ISSN 2542-2332 (Print)

ISSN 2686-8040 (Online)

2020 № 1 (22)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

Издание основано в 2007 г.

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдилов, доктор исторических наук (Россия, Казань)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом

Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ

по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-69787 от 18.05.2017 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при поддержке РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023).

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 № 1 (22)

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2020

The journal was founded in 2007

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (doctor of historical sciences)

The editorial Board:

- S. A. Vasutin*, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)
N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)
A. P. Zabyako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)
A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)
N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)
T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)
O. M. Homushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)
M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, Saint-Petersburg)
L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)
A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)
E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

- L. N. Yarmolenko*, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)
U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)
L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)
G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)
A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)
K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)
S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)
A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)
N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)
N. Cedeu, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)
Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)
Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФC 77–69787. Registration date 18.05.2017.

The journal was prepared with the support of the RSF project “Religion and power: historical experience of state regulation of religious communities in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the XIX–XX centuries” (project № 19-18-00023).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Нуржанов А. А., Терновская Г. А.</i> Керамика с зооморфными и антропоморфными признаками с городища Кастек-1	7
<i>Мухаммадиев А. Р.</i> Основы престолонаследия и династические браки в Жужаньском государстве	29
<i>Дашковский П. К., Шершнева Е. А.</i> Результаты изучения кургана № 30 скифского времени на памятнике Чинета-II (Алтай)	42
<i>Нарудцева Е. А., Радовский С. С., Серегин Н. Н.</i> Основные этапы археологических исследований Э. М. Медниковой на Алтае	56

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Ауэзов Е. К., Крупко И. В.</i> Религиозная идентичность в казахской культуре: границы хронотопа.....	69
<i>Чиркина Е. М.</i> Движение анастасийцев: этноконфессиональная характеристика (по материалам исследований в Новосибирской области)	79

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Серигов Ю. Б.</i> К вопросу о функциональном и сакральном назначении подвесок с зубчатым краем.....	89
<i>Адаева Г. А., Аубакиров Е. Н.</i> Пантеон богов в казахской мифологии	107
<i>Гюль Т. И.</i> Образ верблюда в доисламском искусстве Средней Азии (культово-религиозный аспект)	117

Раздел IV

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Зиневич А. С., Марсадалов Л. С.</i> Познание и отражение мировоззрения древнего человека в творчестве художника и палеометролога В. И. Жалковского	130
---	-----

Раздел V

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

<i>Дашковский П. К.</i> Десятая международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая»	149
---	-----

КАЛЕНДАРЬ НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ	155
--	------------

ДЛЯ АВТОРОВ	159
--------------------------	------------

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Nurzhanov A. A., Ternovaya G. A.</i> Ceramics with zoomorphic and anthropomorphic features from Kastek-1 settlement	7
<i>Mukhamadeev A. R.</i> Dynastic marriages and basis of succession in Zhuzhan State	29
<i>Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A.</i> Results of the study of mound n 30 of the Scythian period on the Chineta-ii monument (Altai).....	42
<i>Narudtseva E. A., Radovsky S. S., Seregin N. N.</i> Main stages of E. M. Mednikova`S archaeological research in Altai	56

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Auezov E. K., Krupko I. V.</i> Religious identity in Kazakh culture: the limits of the chronotope	69
<i>Chirkina E. M.</i> The ethnoconfessional portrait of Anatasians by the materials from Novosibirsk oblast	79

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Serikov U. B.</i> To the question of functional and sakred purpose of pendants with serrated edge	89
<i>Adayeva G. A., Aubakirov Y. N.</i> Pantheon of gods in Kazakh mythology.....	107
<i>Gyul T. I.</i> The image of a camel in Pre-Islamic art of Transoxiana (cultural and religious aspect)	117

Section IV

PERSONALITIES

<i>Zinevych A. S., Marsadolov L. S.</i> The cognition and the reflection of the worldview of ancient human in the works of the artist and paleometrologist V. I. Zhalkovskii.....	130
---	-----

Section V

INFORMATION ABOUT CONFERENCES

<i>Dashkovskiy P. K.</i> The tenth international scientific conference “Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia and Northern China”	149
---	-----

CALENDAR OF SCIENTIFIC EVENTS.....	155
---	------------

INFORMATION ABOUT AUTHORS	159
--	------------

УДК 93/94

DOI: 10.14258/nreur(2020)1–02

А. Р. Мухамадеев*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань (Россия)*

ОСНОВЫ ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ И ДИНАСТИЧЕСКИЕ БРАКИ В ЖУЖАНЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Целью статьи является изучение принципов и основ престолонаследия в Жужаньском каганате, а также брачные союзы жужаньских правителей с царствующими династиями соседних государств. Автор статьи выявляет последовательность перехода высшей власти в Жужаньском государстве с начального периода его существования, тогда как в исторической литературе принято начинать историю наследования с правления Шелуня, первым принявшего титул «каган». Не наблюдается тщательного подсчета перехода трона и в завершающий период каганата, когда начались внутренние распри, междоусобицы, когда жужаньское общество разделилось на две орды, фактически существовала ситуация двоевластия, результатом которых стала частая смена правителей.

В целом, наследование верховной власти в Жужаньском государстве происходило как по прямой, так и по коллатеральной линии. В периоды рассвета и относительного благополучия, мирных взаимоотношений с соседями наследование, как правило, происходило по прямой линии (от отца к сыну). В годы крупных военных неудач, политического и экономического кризисов учащались случаи смены правителей по коллатеральной линии (от брата к брату, от дяди к племяннику и пр.), нередко сопровождающиеся обычной узурпацией власти. В любом случае власть в государстве оставалась в руках одного, правящего клана.

Как и в других ранних и средневековых обществах, династические брачные соглашения жужаньского правящего дома имели целью заключить и закрепить мирные договоры, выгодные торговые условия, в целом определяли взаимоотношения с другими государствами. Жужаньские правители стремились к династическим бракам с китайскими императорскими домами и заключали эти браки. Обычно это случалось в периоды военных успехов, когда жужаньские каганы начинали воспринимать себя равными китайским императорам. Кроме Китая, известны брачные союзы с правящим домом эфталитов. Вместе с тем жужани не шли на династические браки с представителями правящих кругов зависящих от них этносов. Так, каган отказал в браке жужаньской царевны с тюркским правителем, являвшимся его вассалом. Этот отказ впоследствии имел фатальное последствие для Жужаньского государства и общества.

Ключевые слова: Жужаньский каганат, наследование, власть, статус, Китай, эфталиты, династический брак, вассал.

A. R. Mukhamadeev*Institute of History named after Sh.Mardzhani AN RT, Kazan (Russia)*

DYNASTIC MARRIAGES AND BASIS OF SUCCESSION IN ZHUZHAN STATE

The purpose of the article is to study the principles and foundations of succession in the Juan Haganate, as well as the marriage unions of the Juan rulers with the reigning dynasties of neighboring states. The author of the article reveals the sequence of transition of the highest power in the Zhuzhany state from the initial period of its existence, whereas in historical literature it is customary to begin the history of inheritance with the reign of Shelun, who first adopted the title of “kagan”. There is no careful calculation of the transfer of the throne even in the final period of the kaganate, when internal strife and civil strife began, when the Zhuzhansk society was divided into two hordes, in fact there was a situation of dual power, the result of which was a frequent change of rulers.

In general, the inheritance of the supreme power in the Zhuzhany state occurred, both in a straight line and in a collateral line. In periods of dawn and relative prosperity, peaceful relations with neighbors, inheritance, as a rule, occurred in a straight line (from father to son). During the years of major military failures, political and economic crises, cases of changing rulers along the collateral line (from brother to brother, from uncle to nephew, etc.) became frequent, often accompanied by the usual usurpation of power. In any case, power in the state remained in the hands of one, ruling clan.

As in other early and medieval societies, the dynastic marriage agreements of the Juan ruling house were aimed at concluding and securing peace treaties, favorable trade conditions, and generally determined relations with other states. Juan rulers sought and entered into dynastic marriages with Chinese imperial houses. These usually happened during periods of military success, when the Juan Hagans began to take themselves as equal to the Chinese emperors. In addition to China, marriage unions with the government house of the Ephthalites are known. At the same time, the Jujans did not go to dynastic marriages with representatives of the ruling circles, ethnic groups dependent on them. So, the kagan refused the marriage of the Juan princess to the Turkic ruler, who is his vassal. This refusal subsequently had a fatal consequence for the Zhuzhany state and society.

Keywords: Zhuzhan Khaganate, China, Hephthalites, dynastic marriage, vassal, inheritance, power, status.

Мухамадеев Алмаз Раисович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань (Россия).

Адрес для контактов: almazrm42@mail.ru

Mukhamadeev Almaz Raisovich, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of History named after Sh.Mardzhani AN RT, Kazan (Russia). Contact address: almazrm42@mail.ru

Фундаментом жизнедеятельности обществ всегда оставалась система социально-экономических отношений. Наследование принадлежавших общине социально-экономических благ становилось основой, которая связывалась с хозяйственной базой, народонаселением, землей, пастбищными угодьями, средствами производства, скотом. Система наследования сосредотачивала все основные рычаги передачи власти над этими жизнеобеспечивающими средствами. К тому же для Жужаньского каганата как «имперской конфедерации», куда, помимо собственно жужаней, входили другие этнические элементы, сосредоточение и авторитет власти, способной поддерживать административно-государственные устои на огромной территории, имели особое значение. В этом отношении наследование являлось не только средством передачи функций управления внутри государственного социума, но и одним из главных аспектов, характеризующих социальные отношения между племенами, родами или общинами. Несмотря на разные точки зрения о степени развитости общественных и социальных отношений, уровне развития права в Жужаньском государстве, здесь прослеживается довольно четкая система передачи власти.

Относительно наследования престола наблюдается следующая ситуация. Как правило, в каганате преобладало наследование по прямой линии, т. е. от отца к сыну. Вместе с тем, исследователи выявили и наследование по коллатеральной (боковой) линии: старший брат — младший брат — племянник (сын старшего брата). Основным принципом такой системы наследования было объединение отцовской и материнской линии. К. У. Торланбаева в рамках подробного изучения системы наследования древних тюрков уделила небольшое внимание и принципам наследования у жужаней. Она на основе своих наблюдений и изысканий других авторов приводит несколько примеров наследования жужаней по коллатеральной линии [Торланбаева, 2007]. Однако оба примера относятся лишь к началу V в. и связаны с каганами Шелунь и Датань. В целом, исследователи, отмечая, что Шелунь первым принял титул кагана, систему престолонаследия Жужаньского государства начинают с него.

Н. Н. Крадин в рамках изучения Жужаньского каганата уделил внимание и принципам престолонаследия в государстве. Ученый пишет о 16 случаях передачи престола, зафиксированных в источниках. В восьми случаях трон наследовался по прямой линии — 7 раз от отца к сыну и один раз наоборот (Тйефа — Дынчжу). В других восьми случаях — от брата к брату или от дяди к племяннику. Все случаи наследования престола по прямой линии происходили мирным способом. В то же время в пяти случаях из восьми передача трона по боковой линии сопровождалась конфликтной ситуацией (либо узурпация, либо убийство кагана с последующим возведением на престол более приемлемого кандидата). Очевидно, утверждал Н. Н. Крадин, что всякий каган стремился передать престол своему старшему сыну, но в случае некоторых обстоятельств (слабость его власти, внешнеполитическая нестабильность и пр.) более сильный или более авторитетный родственник приходил к трону [Крадин, 2000: 86–87; 2007: 161]. В приведенной им таблице порядок престолонаследия у жужаней начинается с первого кагана Шелуня (начало V в.) и заканчивается последним каганом Яньлоченом (последние сведения о нем под 554 г.).

Нам бы хотелось более подробно остановиться на принципах и порядке престолонаследия в Жужаньском государстве. При этом необходимо более пристальное внимание обратить на несколько обстоятельств. Во-первых, до кагана Шелуня китайскими источниками зафиксированы и предыдущие правители. Во-вторых, при кагане Анахуане в жужаньском обществе фактически сложилось двоевластие. Разделение жужаней на две орды, а также их крупное поражение от тюрков в 552 г. и дальнейшие неудачи привели к частой смене правителей и внесли определенные коррективы в престолонаследие. Учитывая это, мы выстроим несколько вариантов порядка наследования престола у жужаней, разделив их по периодам. Затем, объединив их, попытаемся получить общую картину.

Чтобы подсчеты казались не сумбурными, начнем сначала, т. е. с первых известных правителей жужаней. Другое дело, в их отношении некоторые исследователи допускают недостоверность, точнее, мифичность китайских источников. Так, Н. Н. Крадин, отмечая, что все жужаньские каганы, начиная с Шелуня, были представителями одного правящего рода, пишет, что они являлись потомками «мифологического первопредка жужаней Мугулюя, бывшего согласно китайским хроникам беглым рабом». Далее исследователь отмечает, что в последнем обстоятельстве особых оснований доверять китайским источникам нет. Это типичная для китайских источников вставка, предназначенная продемонстрировать низкое происхождение и варварскую сущность северных кочевников [Крадин, 2000: 86; 2007: 161].

Возможно. Но в целом и не доверять особых оснований нет. Во-первых, в соответствии с китайскими сведениями, Мугулюй — не мифический персонаж по определению. В нем, как и в его происхождении, нет ничего божественного. Источники не показывают его потомком каких-либо богов, духов или других высших сил, мифологических существ или тотемных животных. Поэтому слово «первопредок» к нему едва ли применимо. По описаниям, он обычный человек, бывший невольник, волею судьбы ставший преступником, вина которого была лишь в том, что он опоздал на военные сборы. Беглец, ставший предводителем сотни изгоев, людей, отвергнутых обществом, но храбрых и решительных. Этому постоянно возрастающему сообществу, которому начали покоряться целые племена и народы, история в дальнейшем дала шанс стать сильнейшим в регионе и уникальным государственным образованием.

Более того, Мугулюй — не герой каких-либо эпических событий. Исходя из таких характеристик, его можно определить не как легендарного, а в лучшем случае, полуполулегендарного человека, давшего начало созданию Жужаньского каганата. Во-вторых, после Мугулюя китайские хроники поименно и конкретно перечисляют каждого из правителей жужаньской орды без каких-либо мифических и героико-легендарных отвлечений. При этом обязательно указан способ передачи власти (от отца к сыну). По этой причине мы первым делом все же проследим порядок передачи власти у жужаней, начиная с первого известного их вождя Мугулюя до первого кагана.

Э. Паркер, в свою очередь, допускает, что случай с Мугулюем мог и не иметь места. Но он больше склоняется к мысли о его реальности, даже называет время описанных в китайских источниках событий. Э. Паркер пишет о своем уверенном предположении, что инцидент с Мугулюем произошел около 300 г., «во время анархии, когда хун-

ну были рассеяны, империя Таншихая распалась, а тангуты, тунгусы и хунну были раздроблены и каждый из них пытался создать ядро новой общности» [Паркер, 2008: 113].

Однако перейдем к подсчетам. Итак, согласно китайским источникам после Мугулюя власть принял его сын Гюйлухой. После смерти Гюйлухоя его преемником стал сын Тунугуй, а после смерти Тунугуя — его сын Бади. После Бади его место занял сын Дисуюань. После смерти Дисуюаня аймак разделили сыновья Пихуба (жил в восточной стороне) и Выньгэди (жил отдельно в западной части) [Бичурин, 1950: 185]. Первый каган Шелунь являлся сыном Выньгэди. Простая арифметика показывает, что до Шелуня у жужаней зафиксировано 6 правителей, и власть передавалась исключительно от отца к сыну 6 раз (включая передачу власти самому Шелуню).

Как видим, престолонаследие у жужаней происходило по прямой линии до первого кагана, именно смерть которого и нарушила этот принцип. Сын покойного Шелуня Дуба был еще малолетним, и после смерти кагана на престол был посажен младший брат Шелуня — Хулуй. После Хулую престол достается также не по прямой линии. На престол в силу заговора вступает Булужень — племянник Хулую. В 414 г. в борьбе за власть Датань — сын Пухуня, младшего дяди Шелуня, захватил в плен действующего хана Булуженя и сына Шелуня Шебу, «обоих удавил» и сел на престол [Бичурин, 1950: 189].

После Датаня власть начинает снова переходить от отца к сыну (поочередно) — Уди, Чуло, Юйчен, Дэулунь. Затем в результате заговора вельмож место Дэулуня занимает его дядя Нагай. Далее на престоле сын и внук Нагая — Футу и Чеуну (прямая линия). После насильственной смерти Чеуну на престол возведен его младший брат Анахуань.

Здесь будет логично сделать очередной подсчет, так как период от Шелуня до Анахуаня — время, когда Жужаньский каганат, несмотря на отдельные неудачи, был сильным государством, играл значительную военно-политическую роль в регионе. Временами его могуществу можно было позавидовать, например, в 410-х и начале 420-х гг. жужани громили и подчиняли северные и западные племена, доходили до столицы Тоба-Вэй. Каганат стал гегемоном в Степи и Северном Китае. Во время правления Анахуаня в каганате начинаются серьезные распри, вооруженная борьба за власть, двоевластие. Если до разгрома тюрками в 552 г. в престолонаследии жужаней был относительный порядок (не считая заговоров), то после смерти Анахуаня (совершил самоубийство после поражения) хаос, сопровождаемый частой сменой правителей, увеличивается. До полного уничтожения жужаней остается всего несколько лет.

Таким образом, начиная с первого кагана Шелуня (включая его самого) до кагана Анахуаня (включая его самого) престол занимали 12 каганов. Высшая власть за этот период передавалась 11 раз, из которых шесть по прямой линии, а пять — по боковой. Если обобщить эти данные с первым подсчетом, то власть у жужаней находилась в руках 18 правителей, престол переходил из рук в руки 17 раз, из которых 12 раз — по прямой, пять раз по боковой линии.

После смерти Анахуаня его сын и наследник Яньлочень, двоюродный брат Анахуаня Дынчжу и его сын Куди бегут к циссам. Оставшиеся жужани избрали каганом второго сына Дынчжу — Тйефу. Вскоре Тйефу был убит киданьцами. Тогда каганом ставится Дынчжу, который с сыном Куди вернулся на север. Но он тоже погибает. На пре-

стол возведен Куди, который со своими подданными вновь бежит к цисцам. Император цисцев низверг Куди, а каганом жужаней объявил Яньлочень. К своему несчастью Яньлочень не смог вести спокойную жизнь в государстве Ци, за что был изгнан и тут же разгромлен тюрками (554 г.). В следующем 555 г. жужани были практически поголовно истреблены. Следовательно, мы видим два случая передачи престола по прямой линии (из них один раз от сына к отцу) и два — по боковой линии. В итоге мы насчитываем 22 правителя, в 14 случаях передача власти произошла по прямой линии и в семи — по боковой линии.

Впрочем, хаос в жужаньском обществе и, соответственно, в престолонаследии начался еще при жизни Анахуаня. В первые же дни правления Анахуаня власть в каганате узурпирует его дальний родственник Шифа (520 г.). Анахуань бежит в Китай. Дядя Анахуаня — Поломынь, сплотив своих сторонников, разбил мятежника Шифу (521 г.). При живом Анахуане Поломынь принял каганский титул «под наименованием Миюй-кэшэгэу-хан». Учítывая, что Поломынь, «который уже признан и утвердил высшие власти», намерен отстаивать свой титул, китайцы начали подготовку переговоров с намерениями принятия Поломынем Анахуаня в качестве вассала [Бичурин, 1950: 201]. Впрочем, вскоре и сам Поломынь вынужден был бежать в Китай (521 г.) из-за поражения от восставших телесцев, где и скончался (524 г.).

В данном случае мы наблюдаем возникшую на недолгое время (520–521 гг.) ситуацию двоевластия. Фактически каганат разделился на две орды, возглавляемые двумя каганами — Анахуанем и Поломынем, которые в критические моменты оба искали защиты в Китае. Соответственно, имеем еще два случая смены власти (Шифа — Поломынь), и оба по боковой линии. Если приобщить их к предыдущим цифрам, то получается 24 правителя, 14 случаев передачи власти по прямой линии и 9 по боковой линии.

Как было указано выше, ситуация двоевластия возникла и после смерти Анахуаня. В 552 г. после поражения от тюрков наследник трона Яньлочень, «собрав свой народ», бежал в Дом Ци, а «оставшийся народ поставил государем... Тйефа» [Бичурин, 1950: 207]. Конечно же, ни к чему хорошему это не привело, жужани терпели одно поражение за другим.

Относительно престолонаследия у жужаней можно отметить следующие моменты. Власть в основном передавалась по прямой линии (от отца к сыну), хотя престолонаследие по коллатеральной линии для Жужанского каганата также не было редкостью. В данном случае по разным причинам к власти приходили младшие братья, племянник, дяди и другие родственники правителей, принадлежавшие к одному роду.

Рассматривая основы престолонаследия в Жужаньском государстве, Н. Н. Крадин пишет: «По аналогии с существовавшей в Жужаньском ханстве системой наследования и некоторыми косвенными данными можно предположить, что должности наследовались в соответствии с удельно-лестничной системой — внутри одного родственного коллектива (рода, клана, линиджа) по прямой или боковой линии от старших родственников к младшим» [Крадин, 2000: 88; 2007: 164–165].

Утверждения о существовании в Жужаньском каганате полноценной удельно-лестничной системы, на наш взгляд, несколько преувеличены. Удельно-лестничная система устанавливала очередность наследования престола. Если добрые чувства и лич-

ные качества наместника не могли служить гарантией верности, надо было создать заинтересованность, которая бы привязывала его к центральной власти. Но она получила свое окончательное, законодательное оформление позже, в период Тюркютской державы. Согласно закону Мугань-хана наследовал не сын отцу, а младший брат старшему и старший племянник младшему дяде. В ожидании престола принцы крови получали в управление уделы. Как пишет Л. Н. Гумилев, при Мугань-хане не только было положено начало внешнеполитическому могуществу тюркютского каганата, но и установлена удельно-лествичная система [Гумилев, 1993: 57].

У жужаней же при наличии взрослого и дееспособного сына по боковой линии правителям власть не передавалась. После смерти Шелуня, который умер в походе, его сын Дуба оставался малолетним. По этой причине на престол был посажен младший брат Шелуня — Хулюй. Все другие случаи перехода власти в Жужаньском каганате по коллатеральной линии — это обычные примеры борьбы за власть между родственниками, дворцовых заговоров, т. е. еще не оформилась система ожидания власти. Тем более, что Тюркский каганат в отличие от Жужаньского в лучшие времена простирался от Желтого моря до Волги и держал в подчинении все кочевые племена на этой территории. Количество и размеры уделов были существенно больше, где были необходимы верные родственники-наместники, имеющие не только реальную власть и войско, но и надежду на восхождение или приближение к трону.

Другое дело, что примеры наследования по коллатеральной линии мы встречаем и раньше, еще во времена сюнну-хунну, т. е. основы удельно-лествичной системы были уже заложены. Китайские источники фиксируют подобную систему наследования власти. У Сыма Цяня: «У сюнну мудрого называют *туци*, поэтому наследника престола назначают левым мудрым князем (т. е. сян-ваном)» [Материалы, 1973: 40]. В «Цзинь шу»: «У них левый мудрый князь самый знатный, только наследник престола может проживать здесь...» [Материалы, 1973: 8]. «В следующую зиму, 126, умер Гюнчень Шаньюй; младший брат его Восточный Лули-князь Ичисйе сам объявил себя Шаньюем» [Бичурин, 1950: 64] или: «Шаньюй занемог, и умер. Гюйлиху царствовал только один год. Хунны поставили Шаньюем младшего брата восточного Великого Дукой Цзюдихэу» [Бичурин, 1950: 72] и др.

Несмотря на то, что хаос в жужаньском обществе породил хаос в престолонаследии, во всех случаях без исключения власть оставалась в руках одного клана, как правило, близких родственников. Некоторое исключение составил узурпатор Шифа — названный в китайских источниках каким-то дальним родственником.

Согласно нормам обычного права, практически у всех без исключения народов самым значимым при заключении межплеменных или межгосударственных соглашений считался брачный союз между представителями элиты договаривающихся сторон. Ранее Средневековье изобилует примерами закрепления договора брачным соглашением, которое должно было подтвердить его незыблемость. Брачное соглашение как юридический факт, подтверждающий политический союз между договаривающимися сторонами, нес на себе функции: первая — союзное соглашение, когда договаривающиеся выступали на равных; вторая — когда брачное соглашение воспринималось актом признания одной из сторон вассалом по отношению к другой.

О положении жужаней по отношению к китайским государствам можно сказать следующее. Исследователями замечено, что отношения между жужанями и северокитайскими царствами строились на принципах традиционного китайского дипломатического этикета, но с учетом силы каждой из сторон. Так, каган Шелунь заключил с правителем небольшого царства Хоу Цинь «договор о мире, основанном на родстве». В отношениях с империей Северная Вэй жужани считались вассалами. В 506 г. они имели статус «вассального государства», хотя нередко вели себя в отношениях с китайскими царствами как равноправные партнеры. Впоследствии, с ослаблением северовэйцев, этот статус был изменен и стал равным по отношению к китайцам [Крадин, 2000: 85; 2007: 158]. Источники ясно показывают причины и последствия изменений во взаимоотношениях жужаней и китайцев.

Жужаньские правители неоднократно совершали, требовали или просили заключения родственных (династических) браков с китайскими принцессами или отдавали замуж сестер, дочерей китайским правителям. Китайские императоры нередко шли на такой компромисс в целях сохранения мирных договоров и союзнических действий. Так, за кагана Чилинь Уди (435 г.) была выдана замуж китайская царевна из Северной Вэй. В это же время китайский император отправил посланника «взять Удиеву младшую сестру в побочные супруги себе (т. е. в наложницы), которую затем повысил на степень старшей Чжао-и» [Бичурин, 1950: 191].

Неоднократные просьбы о брачном родстве жужаньского кагана Юйчэня со Двором Северной Вэй (478 г.) решались долго и трудно, так как хотя он и ежегодно «представлял дань, но нетвердо сохранял договор, почему дело о браке приостановлено» [Бичурин, 1950: 195]. Возможно, учитывая частые нападения жужаней в этот период на пограничные укрепленные линии, у императора не было никакого доверия к Юйчэню как к гаранту сохранения спокойствия даже в случае династического брака.

В 532 г. каган Анахуань отправил посла в Северную Вэй с данью, «при сем просил выдать царевну за старшего его сына» [Бичурин, 1950: 204]. В 533 г. правительством Вэй было решено отдать за него замуж старшую дочь князя Хой в качестве царевны. Однако до совершения брака дело не дошло из-за разразившейся смуты. В это время (534 г.) империя Северная Вэй разделилась на два противоборствующих лагеря — Западный и Восточный Дома Вэй. Пользуясь хаосом в китайском обществе, Анахуань уже не просил, а требовал династического брака с Западным Домом Вэй.

В 535 г. правитель Западного Дома Вэй выдал замуж за брата кагана Анахуаня — Таханя дочь придворного сановника в качестве царевны, а дочь Анахуаня взял в супруги себе. После этого Анахуань не производил набегов на владения Западного Дома Вэй. Но в тот же год, как пишет Н. Я. Бичурин, ссылаясь на *Ганму*, Восточный Дом Вэй организовал династический брак самого Анахуаня. В *Вэй шу* об этом говорится следующим образом: «Указано младшую сестру князя Чжо выдать за него в качестве Лэ-ань царевны с переименованием Ланьлин-гюн-чжан царевны» [Бичурин, 1950: 205].

В данный момент, как для Западного, так и Восточного Дома Вэй, мир и военно-политическая поддержка Жужаньского каганата стали вопросом жизни и смерти. Изначально каган был настроен на союз с Западным Домом Вэй, производил набег, грабежи на территории Восточного Дома, не отвечал на их послания. Как пишет Н. Я. Бичу-

рин, влиятельные вельможи советовали императору сослать императрицу в монастырь, а на ее место принять дочь Анахуаня [Бичурин, 1950: 205]. Восточному Дому все же постепенно удалось склонить жужаньского правителя к диалогу, хотя тот «не имел искреннего расположения». Ситуация в корне переменялась со смертью дочери Анахуаня, выданной замуж за правителя Западного Дома. Восточный Дом немедленно воспользовался этим обстоятельством. К кагану срочно были направлены послы с поручением убедить Анахуаня в насильственной смерти его дочери, а также раскрытия обмана со стороны правителей Западного Дома, которые «ложно назвав дальнюю свойственницу царевною, выдали в замужество под именем родственницы» [Бичурин, 1950: 206]. Речь, видимо, идет о браке брата Анахуаня — Тахане, так как сведений о заключении ранее сорвавшегося брака старшего сына Анахуаня к этому моменту не имеется.

Подлог царственной невесты сильно ударил по самолюбию кагана, который к тому времени стал гегемоном региона и необходимым спасительным союзником для китайских государств. Посольство Восточного Дома Вэй достигло своей цели. Анахуань был полон решимости воевать и грабить на западе. Более того, каган призвал своих приближенных на совет, в котором предполагалось признать единственно законным Восточный Дом Вэй. Пользуясь случаем, Анахуань просил выдать царевну за своего сына Яньлоченя. Восточный Дом медлил, каган повторил свою просьбу. В итоге Двором было решено выдать за Яньлоченя в качестве царевны младшую сестру князя Чжо (540 г.) [Бичурин, 1950: 206].

Анахуань настойчиво продолжал требовать заключения дальнейших династических браков с Восточным Домом. Он просит, чтобы его внуку взяли замуж за князя Чжен-цзин, сына полководца Шень-ву, который был одобрен правителем Восточного Дома Цзин-ди. В 546 г. Анахуань, наблюдая за успехами Шень-ву из Дома Ци, захотел «выдать за него свою любимейшую дочь с названием царевны». Цзин-ди указал Шень-ву принять ее. Вскоре жужаньский каган начал вести себя на равных с китайскими Домами, не чувствовал себя вассалом, его «управляющий письменными делами... в обрядах при приеме государственных грамот удерживал равенство» [Бичурин, 1950: 207]. Однако это мало было связано с династическими браками. В это время возникли смуты, а Анахуань усилился и практически единовластвовал на севере Китая.

По мнению некоторых исследователей, последствия этого доминирования были неоднозначными. Силы каганата сконцентрировались в основном на китайском направлении. Сам каган стремился закрепить свой статус браками с вэйскими принцессами и, возможно, надеялся создать объединенное номадно-земледельческое государство. Окружение Анахуаня активно китаизировалось. В то же самое время контроль над зависимыми кочевыми племенами резко ослаб. И это выглядит вполне логично, так как интеграция номадов в кочевые империи базировалась на противостоянии с Китаем [Васютин, Дашковский, 2009: 318].

Впрочем, жужаньские каганы имели интерес к династическим бракам не только с китайцами, но и правителями других авторитетных государств и племен. Так, у Поломыня, старшего дяди хана Анахуаня по отцу, сестры были замужем за эфталитским царем: «три жены у Иды были родные сестры Поломыневы» [Бичурин, 1950: 203]. Именно к эфталитам он и собирался бежать из Китая со своей ордой, где оказался выну-

жденно, прогнанный телесцами. Однако его задержали китайские войска, после чего он был препровожден в тюрьму, где и умер в 524 г.

На основании этого примера Л. Н. Гумилев делает обоснованные предположения о способности династических браков в некоторых случаях серьезно влиять на международную политику. На основании предыдущих и собственных изысканий Л. Н. Гумилев пишет, что, очевидно, заключение жужаньско-эфталитского союза оборвало дружеские отношения эфталитского царства и империи Вэй. Так, в 516–520 и в 526 гг. эфталитские посольства направляются уже в Южный Китай, в империю Лян, и в этих переговорах можно усмотреть попытку организации антитобаской коалиции [Гумилев, 1993: 19].

Заключая династические браки с китайскими правящими родами преимущественно в качестве вассалов, жужаньские правители не шли на подобные браки с вождями зависимых от себя племен. Показное, публичное высокомерие жужаньского кагана Анахуаня по отношению к подвластным тюркам, правитель которых посмел просить руки жужаньской царицы, стало довольно серьезным поводом для начала их самостоятельной политики. По мнению Л. Н. Гумилева, этот жест тюркского правителя был откровенной провокацией, вызванной стремлением вызвать конфликт с жужанями, одновременно не оставаясь в роли обидчика [Гумилев, 1993: 28].

Возможно, некоторые элементы провокации и присутствовали в действиях тюркского правителя Бумына, но, на наш взгляд, они были вызваны искренним желанием породниться с жужаньским правящим родом. Согласно нормам обычного права, такой брак мог означать равноправие этих двух степных народов. Это было нужно Бумыну, но никак не устраивало Анахуаня. Жужаньский каган мог согласиться на такой брак с учетом официального признания тюрками своего вассалитета, что соответствовало нормам обычного права. Однако такой вариант не рассматривался. Чтобы понять действия Анахуаня, необходимо учитывать военно-политическую ситуацию того времени в регионе. Жужани господствовали в Степи, в Китае происходили большие смуты, враждовали Западный и Восточный Дома Вэй. Анахуань стал хозяином положения. Уже привыкший к династическим бракам с китайскими царицами, начавший считать себя равным китайским императорам, предложение родства с кланом из зависимого народа он воспринял как оскорбление.

Однако и у Бумына были свои весомые аргументы. В 536 г. он во главе тюркского войска разбил телесцев, идущих с войной на жужаней. После такой победы Бумын считал себя достойным просить руки жужаньской царицы. Разгневанный Анахуань отправил к нему посланника с ответом: «Ты мой плавильщик (по Ганму — *«ты мой плавильный невольник»*) как же ты осмелился сделать такое предложение?». Настало время оскорбиться Бумыну, который приказал казнить посла и прекратил всяческие сношения с жужанями. Однако он не остался внакладе, так как в 551 г. получил в жены царицу из Западного Дома Вэй [Бичурин, 1950: 228]. Уже в 552 г. Бумын полностью разгромил войска Анахуаня, который «предал себя смерти». Авторитет Бумына среди тюрков сильно возрос. Именно после этого случая он принял имя Иль-хан, а свою супругу назвал «хатунь».

Учитывая, что жужани потерпели от тюрков сокрушительное поражение практически на пике своего могущества, можно утверждать о полной готовности тюрков к по-

добному повороту событий, т. е. к открытому противоборству. К этому времени тюрки были многочисленны, организованы и воинственно настроены. Добыча и переработка железа укрепили их экономическое состояние. Разгром телесцев стал хорошей репетицией для последующей борьбы с жужанями. К тому же покорившиеся телесцы существенно пополнили ряды тюрков. В итоге была не только прекращена гегемония жужаней в Степи и Северном Китае, это был конец жужаней как носителей государственности, которые в довершении ко всему были истреблены физически.

Исходя из изложенного, мы можно подвести следующие итоги. Жужаньские каганы широко практиковали династические браки с правящими родами других государств (Китай, эфталитов). При браках с царевнами китайских государств жужани, как правило, признавали себя вассалами. В некоторых случаях династические браки могли заметно повлиять на геополитическую обстановку. Вместе с тем сами каганы жужаней не желали родниться с вождями зависимых от них народов.

Относительно престолонаследия. Власть в Жужаньском каганате передавалась по большей части от отца к сыну, по прямой линии, что было в порядке вещей. Подавляющее большинство перехода власти по коллатеральной линии является результатом заговоров вельмож и дворцовых переворотов. Таковые чаще происходили в годы военных неудач и социально-экономических кризисов. В любом случае, за всю историю Жужаньского каганата власть оставалась в руках одного рода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950. Т. 1. 382 с.

Васютин С. А. Антропология власти в кочевых империях (по материалам эпохи Тюркских каганатов) // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2011. Вып. 72 (1–2). С. 306–329.

Васютин С. А. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (Отечественная историография и современные исследования). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 13–23.

Васютин С. А., Дашковский П. К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. 400 с.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М. : Товарищество «Клышников — Комаров и К», 1993. 513 с.

Дашковский П. К. К вопросу об изучении ментальности кочевников Центральной Азии // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск ; Ханты-Мансийск : Изд-во пед. ун-та, 2002. С. 203–204.

Дашковский П. К. Мировоззрение и социально-политическая организация кочевников Саяно-Алтая поздней древности и раннего средневековья в отечественной историографии второй половины XIX — начала XXI вв. : дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2010. 663 с.

Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы : Дайк-Пресс, 2007. 416 с.

Крадин Н. Н. Общественный строй Жужанского каганата // История и археология Дальнего Востока: к 70-летию Э. В. Шавкунова. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. С. 80–94.

Кычанов Е. И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Петербургское лингвистич. об-во, 2010. 364 с.

Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М. : Восточная литература, 1997. 320 с.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / предисловие перевод и примечание В. С. Таскина. Вып. 1. М., 1968. 177 с.

Паркер Эдуард. Татары. История возникновения великого народа. М. : ЗАО Центрполиграф, 2008. 223 с.

Султанов Т. И., Кляшторный С. Г. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб. : Петерб. востоковедение, 2000. 320 с.

Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М. : Наука, 1984. 487 с.

Торланбаева К. У. Дуальная организация и система наследования у восточных тюрков. 2007. URL: <http://www.ethnonet.ru/ru/pab/0504-02.html> (дата обращения: 07.13.2017).

REFERENCES

Bichurin N. Ia. Sbranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. T. 1. М.; Л.: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 1950. 382 s. (in Russian).

Vasiutin S. A. Antropologiya vlasti v kochevykh imperiiakh (po materialam epokhi Tiurkskikh kaganatov) [Anthropology of power in nomadic empires (based on the materials of the era of Turkic Khaganates)]. *Srednie veka. Issledovaniia po istorii Srednevekov'ia i rannego Novogo vremeni* [Middle Ages. Studies on the history of the Middle Ages and early Modern times]. 2011, vyp. 72 (1–2). S. 306–329 (in Russian).

Vasiutin S. A. Sotsial'no-politicheskaia organizatsiia kochevnikov Tsentral'noi Azii pozdnei drevnosti i rannego Srednevekov'ia (Otechestvennaia istoriografiia i sovremennye issledovaniia) [Socio-political organization of the nomads of Central Asia of late antiquity and the early Middle Ages (Russian historiography and modern research)]. Barnaul: Izd-vo Alt. Un-ta, 2009. S. 13–23 (in Russian).

Vasiutin S. A., Dashkovskii P. K. Sotsial'no-politicheskaia organizatsiia kochevnikov Tsentral'noi Azii pozdnei drevnosti i rannego Srednevekov'ia (otchestvennaia istoriografiia i sovremennye issledovaniia) [Socio-political organization of the nomads of Central Asia of late antiquity and the early Middle Ages (domestic historiography and modern research)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2009. 400 s. (in Russian).

Gumilev L. N. Drevnie tiurki [Ancient Turks]. М.: Tovarithchestvo “Klyshnikov — Komarov i K”, 1993. 513 s. (in Russian).

Dashkovskii P. K. *K voprosu ob izuchenii mental'nosti kochevnikov Tsentral'noi Azii* [On the study of the mentality of Central Asian nomads]. *Integratsiia arkheologicheskikh i*

etnograficheskikh issledovanii [Integration of archaeological and ethnographic research]. Omsk; Khanty-Mansiisk: Izd-vo pedagogich. un-ta, 2002. S. 203–204 (in Russian).

Dashkovskii P. K. Mirovozzrenie i sotsial'no-politicheskaia organizatsiia kochevnikov Saiano-Altaia pozdnei drevnosti i rannego srednevekov'ia v otechestvennoi istoriografii vtoroi poloviny XIX — nachala KhKhI vv. [The worldview and socio-political organization of the nomads of the Sayan-Altai of late antiquity and the early Middle Ages in the domestic historiography of the second half of the XIX — early XXI centuries: Ph. D. Thesis in History]. Barnaul, 2010. 663 s. (in Russian).

Kradin N. N. Kochevniki Evrazii [Nomads of Eurasia]. Almaty: Daik-Press, 2007. 416 s. (in Russian).

Kradin N. N. Obshchestvennyi stroi Zhuzhanskogo kaganata [The social system of the Zhuzhansk Khaganate]. *Istoriia i arkheologiia Dal'nego Vostoka: k 70-letiiu E. V. Shavkunova* [History and archeology of the Far East: on the 70th anniversary of E. V. Shavkunova]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. Un-ta, 2000. S. 80–94 (in Russian).

Kychanov E. I. *Istoriia prigranichnykh s Kitaem drevnykh i srednevekovykh gosudarstv (ot gunnov do man'chzhurov)* [The history of ancient and medieval states bordering China (from the Huns to the Manchu)]. 2-e izd., ispr. i dop. SPb.: Peterburgskoe lingvisticheskoe ob-vo, 2010. 364 s. (in Russian).

Kychanov E. I. Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov [Nomadic states from the Huns to the Manchu]. M.: Vostochnaia literatura, 1997. 320 s. (in Russian).

Materialy po istorii siunnu (po kitaiskim istochnikam) [Materials on the history of Huns (according to Chinese sources)]. Predislovie perevod i primechanie V. S. Taskina. Vyp. 1. M., 1968. 177 s. (in Russian).

Parker Eduard. Tatars. Istoriia vozniknoveniia velikogo naroda [Tatars. The history of the great people]. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2008. 223 s. (in Russian).

Sultanov T. I, Kliashturnyi S. G. Gosudarstva i narody Evraziiskikh stepei. Drevnost' i srednevekov'e [States and peoples of the Eurasian steppes. Antiquity and the Middle Ages.]. SPb.: Peterb. vostokovedenie, 2000. 320 s. (in Russian).

Taskin V. S. Materialy po istorii drevnykh kochevykh narodov gruppy dunkhu [Materials on the history of the ancient nomadic peoples of the Donghu group]. M.: Nauka, 1984. 487 s. (in Russian).

Torlanbaeva K. U. Dual'naia organizatsiia i sistema nasledovaniia u vostochnykh tiurkov [The dual organization and inheritance system of the Eastern Turks]. 2007. URL: <http://www.ethnonet.ru/ru/pab/0504-02.html> (data obrashcheniia: 07.13.2017) (in Russian).

Цитирование статьи:

Мухамадеев А. Р. Основы престолонаследия и династические браки в Жужаньском государстве // Народы и религии Евразии. 2020. № 1 (22). С. 29–41.

Citation:

Mukhamadeev A. R. Dynastic marriages and basis of succession in Zhuzhan State. Nations and religions of Eurasia. 2020. № 1 (22). P. 29–41.